

ЗАБЫТЫЙ РОМАН XIX в. В ТВОРЧЕСКИХ ИСКАНИЯХ ДОСТОЕВСКОГО

Пятнадцать лет спустя после выхода в свет «Записок из Мертвого дома» Достоевский рассказывал своим читателям, что написал этот роман «от имени лица вымышленного» (22; 47).

Подобный прием ведения рассказа от имени случайно найденных записок мнимого, вымышленного автора не был новым ни в европейской, ни в русской литературе. Так, в роли издателя «Повестей пойнного Ивана Петровича Белкина» и «рукописи Петра Гринева», доставленной автору одним из внуков покойного, выступал А. С. Пушкин; отрывки из «журнала», то есть дневника, доставшегося ему якобы случайно после смерти Печорина, издал Лермонтов. К этому приему прибегал и один из любимых авторов Достоевского — Вальтер Скотт.

Достоевский, так же как и Пушкин и Лермонтов, во введении к «Запискам из Мертвого дома» предупреждает читателей, что издает найденную им «в целом лукошке бумаг, оставшихся после покойника» тетрадку с воспоминаниями о десятилетней каторжной жизни. Автором каторжных записок «Сцен из Мертвого дома» Достоевский называет Александра Петровича Горянчикова (4; 8).

Откуда явилось в «Записках» имя Горянчикова? Ведь другие имена в «Записках из Мертвого дома» у большинства персонажей, имеющих реальные прототипы, являются действительными. Достоевский их сохранил. А кто стоит за именем Горянчикова? Реальное лицо или и у него тоже есть (по замечанию В. Шкловского) отдаленные родственники в литературе, как у Акима Акимыча — лермонтовский Максим Максимыч или пушкинский Белкин¹. Достоевский довольно

¹ Шкловский В. Б. «За и против» (Заметки о Достоевском) М.: «Советский писатель», 1957.—Сс. 99, 100.

часто идет по следам литературных сюжетов и типов и старых и современных писателей, беря ту же тему, чтобы трактовать ее иначе и *не всегда* называет прямо тот или иной роман, который был в поле его зрения.

По воспоминаниям единственного семипалатинского свидетеля работы Достоевского над созданием «Записок из Мертвого дома» А. Е. Врангеля, Достоевский в поисках для своего произведения новой формы особенно интересовался произведениями русской литературы 1840—1859-х годов, близкими к очерковой форме, читая записки С. Т. Аксакова («Записки об ужении рыбы», «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии»), «Записки охотника» Тургенева¹.

В те годы, когда Достоевский, «выйдя, в 1854 году, в Сибири из острога, ... начал перечитывать» всю написанную (без него) за пять лет литературу (26; 66) («сколько нужно прочесть и как я отстал!») (28, 1; 184) — волновался он, читая «залпом» повести и романы старых (знакомых ему еще до каторги) и новых авторов, расспрашивая о них своих друзей), огромной популярностью среди читателей и сочувствием со стороны критики стали пользоваться автобиографические сочинения, мемуары, «записки о своей жизни». «Автобиографии, — писал А. В. Дружинин на страницах «Библиотеки для чтения», рецензируя появившиеся в 1850-е годы в русских переводах «Записки Шатобриана» и «Признания Ламартина», (вспоминая при этом об «известных записках» Сильвио Пелико, Гете и «Исповеди» Руссо и «Записки Андрея Тимофеевича Болотова»), — отличаются «откровенностью (какой не заменить ни одним вымыслом), и правдивостью описания мира действительного»². Достоевский, «особенно бросавшийся» на статью, под которой находил имя знакомого, близкого прежде человека, читавший по выходе из каторги не только все романы и повести, но и все «разборы и критики» (4; 229) о них в журналах, не мог не заметить этих статей Дружинина, одного из рецензентов его произведений, публиковавшихся в 1840-е годы на страницах «Отечественных записок».

---

¹ Врангель А. Е. «Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири (1854—1856) СПб. 1912. — Сс. 66, 67.

² Дружинин А. В. Собр. соч. СПб., 1865. Т. 7. — Сс. 713—715; т. 6. — Сс. 394, 395.

Дружинин, говоря о достоинствах автобиографических сочинений, напоминал читателям о старой, имевшей «замечательный автобиографический характер» книге: «недавно мне попался в руки старинный роман, изданный около 1830 года... его читал редкий из наших литераторов... и то очень давно. В настоящее же время никто, кажется, и не помышляет о том, что его можно читать и перечитывать». И Дружинин посвящает в 1857 году этому, осмеянному в 1830-е годы Белинским, роману, печатавшемуся на страницах «Библиотеки для чтения», специальную статью, «чтобы еще раз возобновить светлые впечатления детства»¹ своих современников.

Достоевский был одним из тех редких литераторов, которому этот забытый роман был хорошо знаком: он, несомненно, читал его еще в детстве. Роман называется «Постоялый двор». Автор его Александр Петрович Степанов. В 1830-е годы этот «длинный, длинный, поучительный и чинный» (роман в 45 печатных листов мелким шрифтом) «полу-роман», «полу-биография», где «происшествий бездна, а действующих лиц тьма тьмущая»,² — как иронизировал Белинский, был популярен среди русских читателей не менее романа М. Бегичева «Семейство Холмских». Рецензент «Библиотеки для чтения» ставил его тогда выше даже романа М. Лажечникова «Ледяной дом»³. В скромной лекарской квартире на Божедомке следили за новинками и, несомненно, читали этот роман, печатавшийся и превозносившийся почти «до небес» на страницах «Библиотеки для чтения» (журнала, который был специально выписан отцом для Федора и его брата). Многие из прочитанного Достоевским в детстве и юности нашло отражение в его творчестве. Так, в романе «Униженные и оскорбленные» герои романа читают вслух за семейным столом, (как это бывало и в годы его детства), роман Бегичева «Семейство Холмских». Не раз упоминается в романах Достоевского «Ледяной дом» Лажечникова. Часто на страницах его романов встречаются не только названия прочитанных им в детстве книг, но и строки из этих книг, цитируемые им почти дословно. Чтения, происходившие по вечерам на Божедомке, Достоевский называл в ряду «сильнейших впечатлений», вынесенных им из

---

¹ Дружинин А. В. Собр. соч. Т. 6. — СС. 394—395.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 11. — С. 53.

³ «Библиотека для чтения», 1835, т. XI, № 19. Т. XII, № 21.

дома родительского. Воспоминания об этих чтениях поддерживали его в трудные минуты жизни.

Ни имени Степанова, ни названия его романа в произведениях Достоевского и в его записных книжках нет.

Но этот роман, где изображается каторжник из дворян, бывший офицер, подвергнувшийся наказаниям простолюдина, не мог не вспомниться ему «во все ... четыре года каторги», когда он, лишенный всех прав состояния, вспоминая «все (свое) прошедшее», «особенно любил воспоминания из самого первого своего детства». Эти воспоминания вставали сами собой. «...Начиналось с какой-нибудь точки, черты, иногда неприметной, и потом мало-помалу вырастало в цельную картину, в какое-нибудь сильное и цельное впечатление. Я анализировал эти впечатления, придавал новые черты давно прожитому и, главное, поправлял его, поправлял беспрерывно, в этом состояла вся забава моя...» (22; 47). «...Начнешь ... вспоминать прошедшее, рисуются широкие и яркие картины в воображении; припоминаются такие подробности, которых в другое время и не припомнил бы и не почувствовал бы так, как теперь» (4; 165).

О романе А. П. Степанова, енисейского губернатора, покровительствовавшего декабристам (его имя часто упоминается в переписке декабристов, о нем как о необычайном губернаторе писал «Колокол») Достоевский мог услышать и по выходе из каторги, когда перед отправкой в солдаты он провел в Омске почти целый месяц в семье декабристов Анненковых. П. Е. Анненкова была знакома с А. П. Степановым. (С семейством Анненковых, принявших в судьбе петрашевцев — новых сибирских изгнанников, доброе участие в самые первые дни их сибирской неволи», Достоевский поддерживал дружеские отношения и по возвращении в Петербург)¹.

В доме Анненковых читали свежие журналы и газеты, получали «с оказией» книги. В этом доме Достоевский составлял свою программу чтения и через Е. И. Якушина, с которым здесь познакомился, и через К. И. Иванова, своего однокашника по Инженерному училищу, (женатого на Оль-

---

¹ П. Сазонович — А. Г. Достоевской. Москва, 7 мая 1879 г. — Достоевский в нецензурной переписке современников // Литературное наследство. Т. 86. Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. — СС. 481, 485. О сибирских встречах Достоевского с декабристами см. также: Громыко М. М. Сибирские друзья Достоевского 1850—1854 гг. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1985 г.

ге Ивановне Анненковой, дочери декабриста), посылал в Петербург письма к брату, где называл интересные его книги.

В рабочей тетради М. Достоевского записаны адреса и Якушкина, и Иванова¹. К. И. Иванов по делам службы часто выезжал из Омска в другие города Сибири, бывал и в Тобольске, и в Якуторовске, и в Семипалатинске. Обмен книгами между декабристами происходил постоянно. Поддерживал связь с декабристами и А. Е. Врангель. Бывая в Якуторовске у И. И. Пущина, он привозил в Семипалатинск книги, взятые у Матвея Ивановича Муравьева-Апостола, оказавшегося в 1956-е гг. на поселении в Ялуторовске рядом с И. И. Пущиным. Сохранилась переписка А. Е. Врангеля с И. И. Пущиным (где всегда упоминается Достоевский)². В письмах постоянно идет разговор о книгах и рукописях, которые они пересылали друг другу с «верным человеком» (К. И. Ивановым). Муравьев-Апостол посылал Врангелю книги о раскольниках, сочинения по ботанике, необходимые Врангелю для его научной работы. (Одна из таких книг была у Достоевского в Твери вместе с другими книгами Врангеля, вывезенными им из Семипалатинска).

В переписке А. Е. Врангеля и И. И. Пущина нет упоминаний о «Постоялом дворе», но в кругу тобольских и ялуторовских декабристов роман был известен. (Об этом свидетельствует переписка И. И. Пущина с В. И. Штейнгелем). Книга была у М. И. Муравьева-Апостола. Он привез ее в Ялуторовск из Иркутской ссылки — I том «Постоялого двора» вместе с другими книгами был послан братьям Муравьевым А. С. Пушкиным.

Муравьев-Апостол, один из немногих декабристов, доживших до амнистии, сохранил ее до возвращения из Сибири в Россию, в Тверскую губернию. (Книга хранится ныне в Москве, в Государственном музее А. С. Пушкина).

Весьма вероятно, что Достоевский и Муравьев-Апостол были знакомы, они могли встретиться в Твери, где находились в одно и то же время после сибирского изгнания. В последние годы жизни они переписывались. В семейном

---

¹ Рабочая тетрадь М. М. Достоевского. ГБЛ. ф. 93. III Дост. 8, 6. лл. 7, 8.

² Переписка Врангеля А. Е. с Пущиным И. И. ГБЛ. ф. 243, оп. I, № 34, л. 1 (об.). Письма от 11 и 19 июня 1855 г.

альбоме Достоевских хранилась фотография Муравьева-Апостола в старости.

В романе А. П. Степанова декабристы находили сходство своих убеждений со взглядами автора на дворянское сословие, как носителя высшей идеи, чести и образованности, на крепостное право и взаимоотношения помещиков с крестьянами. Им были близки высказываемые на страницах романа мысли о единении сословий, об идеале политического правления в России, о задачах просвещения, тесно связанного с задачами нравственного воспитания, основанного на религиозном чувстве, о самоусовершенствовании личности.

Все эти проблемы глубоко занимали и Достоевского и находились в центре его раздумий особенно в 1860—1870-е гг.

Был ли роман Степанова в руках Достоевского тогда в Сибири, неизвестно. Но к убеждению в том, что «Постоялый двор», несомненно, находился в поле зрения Достоевского в минуты его творческих раздумий над «Записками из Мертвого дома» и над «Преступлением и наказанием», приводит сходство некоторых образов и суждений в этих столь разных и несравнимых по масштабам своего дарования произведениях.

«Постоялый двор» открывается «Введением», в котором описывается, как Алексей Павлович Горянов, содержатель постоялого двора, стоящего на одной из губернских дорог, прилегающих к Москве (в 200 верстах от столицы) в день своего рождения принимает у себя своего лучшего друга Николая Петровича Малова. В ту минуту, когда друзья за скромным деревенским пиром ведут философскую беседу о проблемах добра и зла, идее бога, осуждая Вольтера за богохульство, о тайнах растительного и животного мира, отмечая значение духовных, нравственных инстинктов в жизни человека, об эгоизме частном и общественном, Горянову докладывают, что в соседней комнате для проезжающих кричит и требует лошадей какой-то путешественник. Горянов идет объясниться с проезжим, как подобает станционному смотрителю на почтовых дорогах, при шпаге и со звездой. Но едва он перешагнул порог, как проезжий, закричав в исступлении «так это ты», ударяет его охотничьим ножом.

Умиравший Горянов передает другу все свои тетради, из которых тот узнает загадку и разгадку происшедшего, Малов приводит в порядок тетрадки своего друга, найдя их

«довольно любопытными». Главы романа так и названы — тетрадями.

Роман состоит из четырех частей — тридцати трех тетрадей, — введения и заключения. Автор их, А. П. Горянов был знаком со многими дворянскими семьями, «записывал все, что происходило в окрестностях постоянного двора и в нем самом, записывал, что видел, слышал и думал»¹, записал литературные и философские споры, описал быт захолустной русской провинции. Малов еще при жизни друга часто заставлял его за «журналом», где с особенным вниманием он вел хронику двух дворянских семейств, где молодые люди считали его истинным другом, поверенным во всех их несчастиях, и радостях.

Главные линии романа группируются вокруг двух героинь: одна из них дочь суворовского генерала Катенева, кроткая и религиозная Катенька (идеал А. П. Степанова), другая — гордая, темпераментная, лишенная каких-либо религиозных чувств, ученая (она и математик, и философ), благоговевшая перед Гюго и Бальзаком, княжна Серпуховская. Остававшаяся равнодушной к знатности рода, эполетам и обаятельному уму молодого полковника Катенева, княжна Серпуховская полюбила другого и, узнав, что он каторжанин, полюбила его за то еще более и бежала с ним. Когда Малов пришел известить семейство Серпуховских о смерти их друга Горянова, княжны не было в усадьбе, ее разыскивали повсюду. По рассказам слуг, ее видели в избушке каких-то раскольниц, а в парке возле господского дома после ее бегства было найдено несколько листов бумаги — записок княжны. Ее дневником и заканчивается последняя тетрадь записок Алексея Павловича Горянова (IV; 221, 227). В этом «Дневнике» княжны содержится повесть каторжанина:

«Я был сослан в Сибирь с лишением чинов и дворянства» — рассказывал княжне ее возлюбленный. «Долго скитался я по диким степям ее, нищий, бесприютный, одинокий. Не скоро способности мои и силы могли доставить мне возможность обеспечивать свое состояние хотя с недели на неделю, потому что я не хотел быть рабом другого..., подобрал шайку разбойников... и как атаман водил товарищей моих.

---

¹ Степанов А. П. Постоялый двор. Записки покойного Горянова, изданные его другом Н. П. Маловым. СПб, 1835. Т. IV. — СС. 221; 243; далее в тексте с указанием тома и страницы.

по ущельям гор и лесам дремучим. Я разбивал караваны, делился деньгами с богатыми крестьянами и, как должно было ожидать, попался в руки Правосудию..., лишенный уже дворянства, я должен был подвергнуться наказанию простоя и меня приговорили... бить кнутом, поставить на лбу и щеках бесчестные клейма и сослать на каторгу... Все было исполнено. Я бежал... Меня приковали к тележке и — я бежал снова» (XV; 231)

Это он убил Горянова, узнав в нем того, который во время службы своей в Сибири судил его за уголовное преступление и способствовал его ссылке. Малов вспомнил, что Горянов рассказывал ему об этом преступлении, из дворянского сословия преступнике, которого он знал еще 22-летним отставным майором Кирасирского полка.

Рецензентам романа из «Библиотеки для чтения» и «Молвы» казался неправдоподобным такой сюжет: любовь княжны к каторжнику.

«Мы весьма постигаем, что девушка с таким воспитанием читает французские романы и драмы, в восторге от гения Виктора Гюго, хорошо затвердила в памяти знаменитый его афоризм «*quatre vingt foreats — quatre vingt justes*»,¹ очень способна любить каторжанина за то, что он каторжанин», — писали рецензенты в 1835 году в «Библиотеке для чтения». Но «... в нашем обществе каторжники еще не попадают в гостиных... (Это) составляет на Руси явную невозможность или такое редкое изъятие, которое для романа, для картины нравов, равносильно невозможности, это уже переходит за естественное»².

А. В. Дружинин, писавший в 1857 году на основе обнаруженных им в письме А. Степанова записок и семейных материалов, писанных его собственною рукою, замечает: «Горянов, содержатель постоянного двора, мирный философ на склоне лет, честный наблюдатель, утомленный бурями жизни, но, несмотря на то, вполне сохранивший всю чистоту своего правдивого сердца, есть сам Степанов. Горянов, привычный к делам уголовным и много наблюдавший за преступниками во время службы своей в Сибири — это А. П. Степанов»³.

¹ «Сорок пять (фр.).

² Библиотека для чтения. 1835. Т. XII. — СС. 17—18.

³ Дружинин А. В. Собр. соч. СПб, 1865. Т. 7. СС. 713—716.

Автор каторжных записок «Сцены из Мертвого дома», в которых Достоевский рассказывает во введении к своему роману, во многом напоминает Алексея Павловича Горянова. Он, Алексей Петрович Горяничков, также родившийся в России дворянин и помещик, смиренно и неслышно доживающий свой век в подгородной (где чаще всего обычно и находились постоянные дворы) деревне, близ небольшого городка К., человек «безукоризненный» в нравственном отношении, за что и приглашен был, как и А. П. Горянов, в учителя к взрослым дочерям в дом старинного заслуженного чиновника. После смерти его осталась «одна тетрадка, довольно объемистая». Правда, в романе Степанова изданием записок А. П. Горянова занимается его друг Малов, исполняя волю покойного, а в романе Достоевского каторжные записки записки Горяничкова издаются уже после смерти их автора, забросившего свою рукопись и, вероятно, даже забывшего о ней, лицом малознакомым. В романе Степанова издатель записок А. П. Горянова указывает: «Все, что следует далее в сей последней тетради записок Алексея Павловича Горянова помещено или выборочно в моем введении или рассказано от моего лица» (IV; 221, 223, 233). В «Записках из Мертвого дома» рассказ также ведется в основном от лица, которого все окружающие называют Александром Петровичем Горяничковым, который описывает то, что «сам постоянно видел и испытал неоднократно». Горяничков представлен им (как и Горянов Маловым) во введении. И с тою справкою «От издателя» рукописи, которую Малов сообщает в конце романа «Постоялый двор», переключается обращение к «читателям» «Записок из Мертвого дома», сообщение издателя записок покойного Александра Петровича Горяничкова, которое Достоевский дает в главе «Претензия». Он считает (как и Малов), что его обязанность — давать читателям подобные разъяснения. И как автор «Постоялого двора» Достоевский, забыв о рассказчике, ведет рассказ от себя.

Эти совпадения, а, главное, само имя рассказчика (подобные переделки имен с изменением одной буквы или слога весьма характерны для ономастических приемов Достоевского) свидетельствуют о том, что Достоевскому роман Степанова «Постоялый двор» был несомненно знаком. Забытый роман Степанова напомнил Достоевскому не только об известном приеме обращения к лицу вымышленному, но и подсказал имя рассказчика:

• Записки Алексея Павловича Горянова из «Постоялого двора».

• Записки Александра Петровича Горянчикова из «Записок из Мертвого дома».

Имя Горянчикова встретится еще раз в творчестве Достоевского, а именно в романе «Бесы».

Предположение о том, что обозначенная лишь двумя буквами «Г-в», фамилия хроникера в «Бесах» тоже Горянчиков, уже высказывалось исследователями¹.

А. Л. Бем, например, отмечает, что это был характерный прием для Достоевского, прием повторения одного и того же имени для обозначения героя, находящегося за кулисами, но тесно связанного с личностью автора².

Однако, намечая в «Бесах» имя провинциального хроникера, Достоевский оглядывался не только на хроникера казенных сцен из «Записок из Мертвого дома», где он вывел самого себя под именем Горянчикова, но и на провинциального хроникера Горянова из «Постоялого двора».

Хроникер в «Бесах» избрал для себя, как и Горянов в «Постоялом дворе», систему хроники губернской жизни со всеми ее толками, мнениями, оба «странные наблюдатели за чужой жизнью, всегда и везде присутствуют и все видят, всю происходящую возле них трагедию человеческих страстей. И Горянчиков, и «Г-в» из «Бесов», как и Горянов из «Постоялого двора», «не просто все слушают и записывают», а являются активными участниками всех событий, выражают мнения автора. В хроникере «Бесов» как бы соединились черты провинциального хроникера из «Постоялого двора» и вездесущего хроникера из газетного мира 1860—1870-х гг., хорошо знакомого Достоевскому, никогда не остававшегося в стороне от того, что происходило в газетном мире. Обратившись впервые к форме провинциальной хроники в повести «Дядюшкин сон», задуманной, как и «Записки из Мертвого дома», в Семипалатинске, Достоевский придает этому жанру в 1870-е гг. в романе «Бесы» новый политически-злободневный аспект, но имя хроникера оставит то же, что и в «Записках из Мертвого дома». И тот же прием ведения рассказа от имени случайно найденных за-

¹ Альтман М. С. Достоевский. По вохам имен. Изд-во Саратовск. ун-та, 1975.— С. 169.

² Бем А. Л. Личные имена у Достоевского. София, 1933. СС. 21, 109.

писок, вспомнит Достоевский и при создании IX главы «У Тихона».

«После Николая Всеволодовича оказались, говорят, какие-то записки (но никому не изве(ст)ные). Я очень ищу их. (Может быть и найду, и если возможно будет) (12; 108).

Появление Горянчикова в «Записках из Мертвого дома» было вызвано вовсе не цензурными обстоятельствами, как не раз отмечалось исследователями творчества Достоевского. Оно было связано с поисками писателя новой художественной формы для своего произведения, стремлением придать «Запискам из Мертвого дома» форму художественного, а не только мемуарного, документального произведения, весьма популярного в те годы. Цензурные препятствия появились после напечатания «Введения» и первой главы «Записок», где Горянчиков уже присутствовал, что подтверждается и единственным, сохранившимся в Гарвардском университете, черновиком «Записок», дающим представление о цензурных требованиях¹. И автор публикации этого отрывка также пришел к мнению, что именно художественным поиском, а не цензурными соображениями объясняется введение в «Записках» Александра Петровича Горянчикова. (Этот взгляд высказан и в новом собрании сочинений Достоевского См.: т. 4, с. 289).

Весьма вероятно, что «Постоялым двором» Степанова навеян и встречающийся в романах Достоевского образ постоялого двора, поднимающийся до уровня символа. Как в «Мертвых душах» Гоголя глубоко символический символ дороги, знаменующий саму жизнь, ее непрерывное движение, присутствует в романах Достоевского образ постоялого двора, как символ неустоявшегося, хаотического, беспокойного бытия.

«Унялись ли для меня бури житейские? Я только из большого постоялого двора укрылся в маленький», — восклицает Горянов.

«Все арестанты жили здесь как бы не у себя дома, а как будто на постоялом дворе», — замечает Горянчиков (4; 195).

«Нравственных идей теперь совсем нет... Все точно на постоялом дворе», все живут только бы с них достало...», — говорят персонажи «Подростка» (9; 432).

---

¹ Русский литературный архив. Нью-Йорк, 1956.

И еще неожиданнее сходство некоторых суждений в романах Достоевского с сентенциями, высказанными в «Постоялом дворе». В этом романе, представляющим по мнению некоторых исследователей русской литературы лишь исторический интерес¹, содержатся суждения, близкие к тем философским размышлениям Достоевского, которые глубоко волновали великого романиста в период создания и «Записок из Мертвого дома» и в дальнейшие годы его жизни.

Так, отдавая свои тетради, умирающий от ран Горянов, узнав, что убийца его скрылся безнаказанным, произносит: «...и хорошо сделал. Правительство небесное попускает иногда преступлениям. Убийца лучше клеветника. Может быть, пылкость минуты искупится годами раскаяния. Может быть, без этого поступка... (многоточие)» (I; 29).

Вспомним слова Сони Мармеладовой о том, что Бог, кого любит, тому и посылает страшное испытание. В черновиках к «Преступлению и наказанию» читаем: «С самого этого преступления начинается его нравственное развитие, возможность таких вопросов, которых прежде бы не было». В последней главе, в каторге он говорит, что «без этого преступления он бы не обрел в себе таких вопросов, желаний, чувств, потребностей, стремлений и развития» (7; 140, 532, 561).

«Одиноким душевно, я пересматривал всю прошлую жизнь мою, перебирал все до последних мелочей, вдумывался в мое прошедшее, судил себя один неумолимо и строго и даже в иной час благословил судьбу за то, что она послала мне это уединение, без которого не состоялись бы ни этот суд над собой, ни этот строгий пересмотр прежней жизни» — («Записки из Мертвого дома») (4; 220). Близки Достоевскому, утверждавшему важность не юридического, а внутреннего наказания, самоочищения страданием и такие строки в романе А. П. Степанова:

«Наказания земные, без раскаяния преступника, не удовлетворяют еще строгого правосудия», — замечает Горянов (III; 67).

Настроениям Достоевского каторжных лет, страдавшего более всего от невозможности писать, созвучны строки: «Нет казни ужаснее, как тюремное заключение без возможности изливать мысли посредством слова» (I; 34).

---

¹ Фриидлендер Г. М. Нравоописательный роман. Жанр романа в творчестве романтиков 1830-х гг. // История русского романа в 2-х т. М.—Л.: АН СССР, 1962. — С. 265.

В том изобилии сентенций, по поводу чего иронизировал Белинский, Достоевский нашел и такую, которая будет его занимать в минуты раздумий над судьбой Раскольникова: «Ужасно», — замечает Горянов, — ежели не участвует любовь... Пусть преступник, прикованный к тележке, работает день и ночь в глубоких шахтах. Любовь превратит темницу в жемчужную раковину... Княжна ему как ангел-хранитель... (IV; 243)

Всматриваясь в угрюмые клейменные лица, встречал прикованных к тележке работников, встречал каторжников из дворян, задумывая на нарах в минуты тоски и уныния роман «Исповедь», Достоевский не мог не вспомнить об исповеди лишенного офицерского звания каторжника из «Постоялого двора», ставшего разбойником, чтобы отомстить за личную обиду. Такие разбойники из благородных, охваченные чувством отщепенца и поклявшиеся в вечной смертельной ненависти к человечеству, занимали воображение Достоевского и тогда, когда он, размышляя о проблемах личности и свободы, задумывался над лицами своих строптивых героев.

Так, например, подросток, с детства оскорбленный окружающим его обществом, мечтал стать разбойником еще до того, как его стала посещать идея Ротшильда. И Раскольникова, увлеченного идеей наполеонизма, пленяла роль разбойника. Анализируя мотивы его озлобления и преступления, Достоевский в черновиках к роману вспоминает известных в мировой литературе разбойников, назвав при этом и имя предводителя морских разбойников из одной из ранних повестей Ж. Занд, также глубоко взволновавшей его в юности, в шестнадцать лет, от чтения которой он «был потом в лихорадке всю ночь» (23; 33).

Книжный мир, всегда сопровождавший великого романиста, присутствует на страницах его романа, получал философское углубление в творческое переосмысление. И наряду с классическими образами мировой литературы в памяти гениального читателя возникают ситуации и эпизоды из забытых, малонизвестных произведений, Свидетельством знакомства Достоевского с «Постоялым двором», хотя этот роман не упоминается им ни в произведениях его, ни в записных книжках, ни в черновиках, ни на страницах его произведений, является и такая реминисценция, также обнаруженная нами в черновиках «Преступления и наказания»:

«Мечтать, например, о том, что обладаешь Бразильской империей — разумеется, занятие смешное и бесполезное,

потому что неосуществимое. А тут... А насколько тут выше Бразильской империи!» (7; 231). — Это размышления Разумихина о том, «позволительно ли хоть сколько-нибудь ему, Разумихину, мечтать о браке с Дуней Раскольниковой... кто он сравнительно с такою девушкой»). «Новая мечта, загоревшаяся в его голове» неосуществима как неосуществима и мечта о Бразильской империи. Записи эти, сделанные Достоевским не только в черновике, но и в предназначавшейся уже для набора рукописи 2-й главы III части романа, печатавшейся в мае 1866 г. на страницах «Русского вестника», были подсказаны Достоевскому не только политическими событиями 1865 г.¹ Они, несомненно, восходят к тому диалогу, который ведут на страницах «Постоялого двора» молодые люди: «Я желал бы сделаться королем Бразилии. Именно Бразилии... Что же там хорошего. Все: небо, земля и огонь... (IV; 243).

«...Писатели второстепенные приготавливают поприще для писателей первоклассных, для великих писателей, (которые не могли бы явиться, если б предшествующие им литературные деятели не приготовили из материала для выражения творческих созданий, — среды, в которой возможно уже проявление великого таланта)... Всякий кладет свой камень при построении здания народной литературы; велики или малы эти камни, скрываются ли внутри стен, погребены ли в подземных сводах, красуются ли на гордом куполе, — все равно, труды всех почтенны и достойны благодарных воспоминаний»,² — писал С. Т. Аксаков. И тому пример — Достоевский.

---

¹ См.: Коган Г. Ф., Ф. М. Достоевский, русская общественная мысль и «Мексиканский вопрос» в 60-е годы XIX века // Латинская Америка, 1974, № 4.

² Аксаков С. Т. Собр. соч. в 3-х т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 2.—С. 365.